

63.3(2)5

л-59

Гр.

ДАЛЕКОВЪ

Д. А. ЛИНЕВЪ (Далинъ).

НЕ СКАЗКИ.

Второе изданіе.

4683.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе В. С. Хесина.

1895.

ИЗЪ-ЗА „СОВСТВЕННОГО“ РЕБЕНКА.

Въ селѣ Козловкѣ, Чебоксарскаго уѣзда, проживалъ добродѣтельный сапожникъ Зобинъ. Добродѣтель его заключалась въ томъ, что онъ не только не шилъ и жену не билъ, но еще и дѣтишекъ любилъ. И до того онъ ихъ любилъ, что безъ нихъ и жизнь ему была не въ жизнь. Въ свою очередь, и молодая, едва совершеннолѣтняя, жена его—женщина не менѣе добродѣтельная. Она и мужа своего крѣпко любила, и тоже пуще всего дѣтишекъ хотѣла имѣть. Хоть-бы одного мальчика!—убивалась она. Но... не благословилъ ихъ Господь. И не то, чтобы молодая женщина совсѣмъ не знала ни мукъ, ни счастья рожденія дѣтей... Нѣтъ! Выйдя замужъ, имѣя всего только 17 лѣтъ отъ роду, она испытывала это счастье и эти муки ежегодно, но ни одинъ изъ ея младенцевъ не оставался въ живыхъ. И горе супруговъ Зобиныхъ было велико. И достатокъ кой-какой имѣлся, и миръ и любовь царили въ ихъ деревенскомъ домикѣ; но счастья не было. И не было его только потому, что въ домикѣ не раздавалось ни

дѣтскаго плача, ни дѣтскаго смѣха; не раздавалось ни слова «татка», ни слова «мамга».

— Не горюйте, милые,—утѣшала ихъ обыкновенно повитуха Попова изъ Чебоксарь, «принимавшая» у Зобиной всѣхъ ея умиравшихъ младенцевъ,—вотъ Господь дастъ, опять у васъ приму, и можетъ, и жить будетъ.

— Нѣтъ, не будетъ,—съ глубокимъ отчаяніемъ возражала Зобина,—наказалъ насъ Господь. Ужь сколько я молилась, зароки какіе давала... нѣту отъ Бога милости. Кажись, умереть лучше, чѣмъ такъ.

И жалко стало повитухѣ Поповой несчастныхъ супруговъ.

— А ты вотъ что,—рѣшилась она помочь имъ:—своего Богъ не даетъ, такъ чужого возьми... Махонькаго такого, что все равно, что свой. Ну, а чтобы онъ не померъ, нужно взять незаконнаго, потому незаконные живучи. И я тебѣ предоставлю такого.

— Сдѣлай божескую милость... вѣкъ не забуду. Только, чтобы мальчика, безпремѣнно мальчика, и чтобы какъ только родится.

— Ну ужь ладно услужу. Не горюй только,—утѣшила Зобину повитуха.

Прошло немного времени, и Зобина была вызвана изъ деревни въ городъ.

— Найми себѣ тутъ комнату,—сказала ей Попова,—и будетъ у тебя скоро мальчикъ.

Зобина комнату наняла и стала ждать. И дожда-

лась. 13 марта 1894 года позднимъ вечеромъ повитуха Попова явилась къ ней съ молодою беременной дѣвушкой, которая въ ту-же ночь въ комнатѣ у Зобиной и разрѣшилась ребенкомъ, и на счастье Зобиной дѣйствительно мальчикомъ. А на утро дѣвушка ушла, а повитуха отправилась къ священнику съ просьбой навѣстить Зобину и прочитать надъ новорожденнымъ молитву. Конечно, священникъ просьбу исполнилъ, а спустя нѣсколько дней онъ-же и окрестилъ ребенка, какъ новорожденного сына супруговъ Зобиныхъ.

И всѣ были счастливы и довольны.

Счастливы были супруги Зобины, которымъ Богъ послалъ, наконецъ, ребенка, котораго они могли любить и для котораго могли жить и заботиться; счастлива была повитуха Попова, добрая старушка, которой удалось сдѣлать доброе дѣло; счастлива была и таинственная дѣвушка въ сознаниі, что «плодъ любви ея несчастной» не брошенъ въ дукъ какой-нибудь и даже не въ воспитательный домъ отправленъ, а въ любящія руки переданъ, — руки, которыя будутъ его беречь, расти и лелѣять...

Но на бѣду ихъ всѣхъ... не дремало бдительное полицейское око.

Оно, какъ оказалось, давно отмѣтило преступную, не-дѣвичью полноту 20-лѣтней горничной одного чиновника, дѣвицы Емельяновой; и, въ интересахъ «предупрежденія и пресѣченія», заботливо за ней слѣдило. И вотъ, когда оно, въ одинъ прекрасный день, замѣтило исчезновеніе у Емельяновой ея не-дѣвичьей

полноты, причемъ въ то-же время не оказывалось и слѣдовъ, куда эта полнота дѣвалась,—дѣвица была потребована къ допросу...

Въ результатѣ—слезы горькія всѣхъ недавнихъ счастливицъ слѣдствіе надъ ними и... скамья подсудимыхъ.

Ихъ хорошее, доброе дѣло по буквѣ закона оказывалось подлогомъ, и всѣмъ имъ грозило немалое наказаніе. Но для супруговъ Зобиныхъ никакое наказаніе не было такъ страшно, какъ то, что вмѣстѣ съ нимъ имъ предстояло лишиться и «своего» мальчика.

И вотъ, сидятъ передъ судомъ (казанскій окружный судъ) три женщины на позорной скамьѣ. И не только передъ судомъ, но и передъ собственной совѣстью ни одна изъ нихъ не признаетъ себя повинной.

— Не признаю я за собой вины,—искренне говоритъ суду дѣвица Емельянова.—Я не хотѣла отдать ребенка въ неизвѣстныя мнѣ руки; я боялась, чтобы его не изморили, и согласилась подарить его Зобиной, чтобы она была ему родной матерью. Хоть онъ и родился у меня и не по закону, но я не лиходѣйка такая, чтобы его бросить зря. Нельзя мнѣ самой его растить, потому меня съ нимъ никто на мѣстѣ держать не будетъ,—я и отдала его хорошему человѣку; не зла я хотѣла, а добра.

— И моей вины тутъ никакой нѣтути,—отвѣчала на вопросъ суда и Зобина.—Думала, беру ребенка въ собственныя дѣти, такъ какъ-же и не окрестить его за собственнаго?.. Свои-то все умирали... Ужъ очень намъ съ мужемъ хотѣлось.. не злодѣи мы какіе . . .

И судъ совѣсти, судъ чебоксарскихъ присяжныхъ засѣдателей, сказалъ каждой изъ нихъ: «Не виновна». «Не виновна» потому, что не злая воля руководила Емельяновой, Зобиной и Поповой, а добрая; «не виновна» потому, что цѣль ихъ была добрая.

И несчастныя женщины вышли изъ суда счастливыми.

И не отнять теперь у Зобиныхъ ихъ собственнаго ребенка, и еще дороже онъ имъ теперь сталъ, какъ ребенокъ, за котораго немало и выстрадать пришлось.

.....

Слава-же... Тому, Кто подарилъ русскому народу судъ присяжныхъ, этотъ поистинѣ великій судъ «правды и милости». Конечно, ни Зобина, ни Емельянова, ни Попова по совѣсти—не преступницы, и не для нихъ существуютъ тюрьмы. А между тѣмъ, не будь этого суда совѣсти, и несчастныя, несомнѣнно передъ буквой закона все-таки провинившіяся, были-бы ввергнуты въ тюрьму, стали-бы навсегда острожницами...

